

**ETNOLOGIYA. ETNOGRAFIYA. ANTROPOLOGIYA
ETNOLOGY. ETHNOGRAPHY. ANTHROPOLOGY**

Гульчехра Зунунова

(Ташкент, Узбекистан)
zunnunova@yahoo.com

Дар в обрядовой практике узбеков

Абстракт

В статье в контексте антропологической парадигмы рассматриваются различные модели дарообменных взаимоотношений в обрядовой жизни узбеков, связанные с трапезой. Обращается внимание на механизм, формы и мотивы обмена печеным и мясными блюдами в ходе церемоний. Отмечается два направления дарообмена – горизонтальное, которое характеризуется семейно – родственными связями, и вертикальное, являющееся статусным и характеризующее территориальные взаимоотношения семьи с обществом. Основываясь на полевых материалах, автор отмечает, что обе эти модели базируются на традициях, обычаях, обрядах, а также имеют социальный характер, охватывая межродственные, межсоседские и межтерриториальные сети общения, существующие в узбекской махалле. Автор, ссылаясь на собранный полевой материал, опровергает тезис о том, что семейные и соседские узы под воздействием урбанизации, глобализации и других процессов современности претерпевают коррозию. Наоборот, они укрепляются именно в сетях дарообмена, ибо помощь слабому считается традицией узбеков. Отмечается, что опора на семью и на семейно-родственные связи, является одним из главных элементов образа жизни узбеков. Анализируя мотивы дарообмена узбеков, автор отмечает, что они опираются на концепцию взаимного альтруизма Р. Триверса и в первую очередь высвечивают такие традиционные ценности узбеков как взаимопомощь и сострадание.

Ключевые слова: дар, модель, обряд, традиция, взаимопомощь.

Gift in the Ritual Practice of the Uzbeks

Abstract

In the article, in the context of the anthropological paradigm, various models of gift-exchange relationships in the ritual life of Uzbeks associated

with meals are considered. Attention is paid to the mechanism, forms and motives of the exchange of baked and meat dishes (togora) during the ceremonies. There are two directions of donation - horizontal, which is characterized by family and kinship ties, and vertical, which is a status and characterizes the territorial relationship of the family with society. Based on field materials, the author notes that both of these models are based on traditions, customs, rituals, and also have a social character, covering inter-related, inter-neighborly and inter-territorial communication networks that exist in the Uzbek mahalla. The author, referring to the collected field material, refutes the thesis that family and neighborhood ties under the influence of urbanization, globalization and other modern processes are corroding. On the contrary, they are strengthened precisely in the networks of gift-giving, for helping the weak is considered a tradition of Uzbeks. It is noted that reliance on family and family ties is one of the main elements of the Uzbek way of life. Analyzing the motives of the donation of Uzbeks, the author notes that they rely on the concept of mutual altruism of R. Trivers and, first of all, highlight such traditional values of Uzbeks as mutual assistance and compassion.

Key words: gift, model, rite, tradition, mutual assistance.

Введение

Исследование дарообменных отношений в обрядовой культуре узбеков представляет собой одно из важных направлений в современной отечественной этнологии, так как позволяет понять истоки традиционных ценностей и обратить внимание на социальную составляющую моделей церемониального обмена узбеков, отражающие рациональные и альтруистические мотивы поведения. Наиболее ярко дарообмен проявляется в обрядовых традициях, связанных с пищей, которые в сравнении с другими компонентами этнической культуры считаются наиболее устойчивыми.

В статье предпринята попытка рассмотреть суть локальных форм и мотивов дарообмена узбеков: дар как депозит и дар как альтруизм. Проследить горизонтальные и вертикальные векторы взаимодарения в узбекском социуме на примере полевых материалов автора, собранных в махаллях Ташкента и селе Миндон Ферганской области.

Концепция дарообмена представляет собой пласт многообразных научных воззрений, характеризующихся незавершенностью. Это позволяет исследователям вновь и вновь обращаться к этой теме. Институт дарообмена впервые был

рассмотрен М.Моссом [Мосс 1996, 85-111]. После появления этой работы, тема взаимодарения стала постоянно привлекать внимание антропологов и появляется большой пласт работ по теории дара [Салинз 1999; Поланьи 2002; Бодрийяр 2000; Годелье 2007; Семенов 2010]. В отечественной этнологии проблема ритуального обмена специально не осмысливается, есть лишь описание ритуальной пищи и одежды [Файзуллаева 2010; Пайзиева 2014]. В одной из статей обращается внимание на социальную суть обрядовых угощений [Зунунова 2013, 131-136]. Из зарубежных публикаций можно назвать статью С.Н. Абашина, в которой автор, раскрывая социальную суть обряда суннат-туй, отмечает, что ритуальный обмен является своеобразной формой кредитования [Абашин 2003, 217-234]. Вместе с тем локальные практики дарообмена узбеков в ключе осмысления форм и мотивов ритуального обмена в рамках пищевой культуры узбеков в комплексе антропологами, занимающимися этнологией узбеков, пока не предпринималось. Представляется, что статья сможет восполнить пробел в знаниях о трансформации традиций дарообмена узбеков в наше время.

Дарообменные взаимоотношения в статье рассматриваются в ключе концепций дара антропологов М. Мосса [Мосс 1996, 85-111] и Ю.И. Семенова [Семенов 2010].

Механизм циркуляции даров в узбекских обрядах

Исследователи, занимающиеся проблемой дарообмена определяют его как форму внеэкономического обмена в традиционных обществах, которая осуществлялся в целях создания новых или поддержания уже существовавших социальных связей между индивидами или социальными группами. Отсюда следует, что основными чертами дарообмена является его социальная детерминированность и обеспеченность традицией [Шишкина 2015, 106-109].

Следуя теории Ю.И. Семенова, мы можем сказать, что дарообмен возникает в результате появления престижной экономики на исходе первобытно-коммунистической стадии, когда избыточный продукт начинает циркулировать между разными социоисторическими организмами [Семенов 2010]. История развития дарообменных отношений показывает, что существуют различные их формы: от простых до статусных [Нуреев 2010, 117], а движение даров идет как по горизонтальной, так и по вертикальной линии [Поланьи 2000].

Адаптируя это положение антропологической парадигмы к обрядовой жизни узбеков, мы можем сказать, что и в церемониальной сфере узбеков можно наблюдать два направления по которым двигаются дары, в нашем случае продукты. Модель дарообмена,двигающаяся слева на право и справа налево, характеризуется в основном семейно – родственными связями, другая, охватывающая направленная сверху вниз и снизу-вверх является статусной и характеризует территориальные взаимоотношения семьи с обществом. Обе эти модели базируются на традициях, обычаях, обрядах, а также имеют социальный характер.

Родственный дарообмен

Обряды жизненного цикла включают в себя можно сказать две составляющие. Одна из них связана с родственной группой проводящего обряд и представляет собой простую форму, следующей по горизонтали. Полевые материалы, собранные в махаллях Ташкента и селе Миндон Ферганской области, подтверждают это. Так, одна из информантов, отмечала, что обычно между близкими родственниками проводиться маслахат (родственный совет), где распределяются обязанности, кто с каким содержанием тоғора (большая чашка, наполненная мясными или печеными блюдами) придет на запланированное мероприятие. В этом случае, чашка не обязательно заполняются отдарком. Факт принятия тоғора хранится в памяти или записывается в специальную тетрадь и на другом мероприятии отдаривается по возможности с более богатым содержимым. В случае, если это дальний родственник, редко принимающий участие в сетях междоудственного обмена, то стараются отдать сразу эквивалент принесенного [ПМА2; ПМА 3]. Одной из функций участия в междоудственных, междоудственных, а также территориальных сетях является взаимопомощь, в данном случае проявляющаяся в цепи обрядов, которая вызвана альтруистическими мотивами, но в то же время несет в себе и элемент рациональности. Так, одна из информантов Ташкента рассказывала, что, когда ее подруге нужна была помощь на свадьбе, она в качестве тоғора принесла салат, ответным подарком были чашки на ее свадьбу, наполненные мясными блюдами. Или другой пример - помощь в день похорон. Здесь конечно приготовление блюд не рассматривается как прагматический поступок, но социальные связи в махалле и принадлежность к междоуд-

ственной и межсоседкой сетям дарообмена дают возможность говорить об этой форме взаимопомощи, как дарообмене, который можно рассматривать и как депозит. Так как, в нужное время помощь, в данном случае чашка с едой возвратиться. Хотя мотивами помощи - дара всеми информантами называются мораль и репутация, когда ответный дар переходит в сферу сакрального (дуо олиш) [ПМА2]. В межродственных сетях обмена нет ритма маятника, нет парной симметрии количества и стоимости даров. Роль дарителя может повторяться в несколько раз чаще, чем роль принимающего блага, и наоборот. ...Подобное несоответствие обмениваемых благ более гладко проходит в отношениях с родственниками [Барсукова 2004, 31]. Межродственные сети опровергают тезис о том, что семейные узы под воздействием урбанизации, глобализации и других процессов современности претерпевают коррозию. Наоборот, они укрепляются именно в сетях дарообмена, ибо помощь слабому считается традицией узбеков. Опора на семью и на семейно-родственные связи, является одним из главных элементов образа жизни узбеков. Интервью показывают, что важными в связи с интересами семьи являются и вопросы организации обмена дарами [ПМА2; ПМА 3].

Дар как «лицо» человека и объединяющее начало

В дарообменных взаимоотношениях межродственной сети чужие люди зачастую реагируют на свою неспособность адекватно отблагодарить более болезненно, как на бытовой маркер социальной демаркации [Барсукова 2004, 31]. М. Мосс отмечал, что дар считался вещью одушевлённой, обладающей своей «маной» [Мосс 1996, 151-153]. т. е. «именем», «честью», «лицом» и в этом смысле – «душой», а поскольку «мана» была проводником магической силы, то тем самым помогала приобрести тайную власть над одариваемым. Поскольку получивший дар должен был отдарить дающего, то неспособные это сделать попадали в определенную морально-психологическую зависимость от дарителя: «если не отдаривают ...навсегда теряют лицо» [Мосс 1996, 153]. В этой связи можно провести аналогию с обрядами жизненного цикла, проводимыми в Миндоне, когда в обрядовой трапезе принимают участие все члены общины (махалля) и проведение свадьбы, суннат – тоя или поминок является своеобразным «отдарком» соседям, демонстрацией статуса и одновременно служит объединению общины.

Этнолог С.Н. Абашин отмечал, что нередко община определяет себя прежде всего как сообщество, которое совместно проводит обряды [Абашин 2001, 210]. В Миндоне ее называют «сообщество вместе участвующих в трапезе» (ошлаш) [Басилов 1996, 99-114].

Межтерриториальный дарообмен и родство по пище

Дары в межтерриториальной, межсоседской и межсемеиной сетях могли двигаться не только горизонтально, но и вертикально. Здесь мы можем говорить о статусной форме дарообмена. Она отражается, например, во взаимообмене тогора между сторонами жениха и невесты, а также подчеркивает социальные взаимоотношения, которые выражаются в статусном поведении. Ранговый стиль поведения между сторонами жениха и невесты, где более высокий статус занимают родственники жениха ярко иллюстрирует такое звено свадебной обрядности как фотиха туй. Здесь особое внимание уделяется взаимным подаркам, в том числе содержанию тогора, которые сторона жениха несет в дом невесты в день свадебного торжества, где закрепляется согласие двух сторон на брак. В контексте смысла выражения, бытующего среди узбеков «бор тогора – кел тогора» (Дословно: «Сходи чашка (в гости – Г.З.) и вернись») можно сказать, что в процессе дарообмена даритель ждет отдарка. Это ярко появляется в ответных тогора невесты жениху. Они обычно в Ташкенте, например, обязательно являются не просто эквивалентом дара, но и отдарком с избытком, что считается нормой. Такая форма возврата подчеркивает уважительное отношение к родственникам жениха, и, в том числе, таким образом, родители невесты как бы стараются защитить свою дочь от негативной ауры будущих родственников, подчеркнуть ее значимость. Такой дарообмен имеет вертикальную структуру. Во – первых, потому, что молодые представляют собой различные территориальные социумы, и во - вторых, по традиции жених наделяется более высоким статусом, чем невеста.

Ранг сватов, приходящих за невестой из другой территориальной общины особо отмечается в расположении места и приготовлении для них особой еды в обрядах. Обряды жизненного цикла до сих пор сохраняют важную роль свата (куда), которых в Миндоне принято располагать в отдельном пространстве и для них готовится ритуальное блюдо холвайтар. Такое осо-

бое отношение к сватам вытекает из общинного характера обрядовых мероприятий, так как в прошлом куда являлся представителем другой общины, откуда пришла келин (невестка) [Басилов 1996, 99-114].

Как отмечал Ю. И. Семенов «уже в раннем обществе способом закрепления ... связей между индивидами, принадлежащими к разным коллективам, стал обмен пищей» [Семенов 2010]. Можно сказать, что он явился прообразом дарообмена, закреплял связи между лаами и подчеркивал родство, являясь как бы символом принятия в круг родственников. Здесь возможно кроются корни феномена родства по пище. Так, например, в Сурхандарьинской области в знак согласия стороны невесты на брак сватов кормили сливочным маслом. На вопрос «қалай, оғиз мойландими?» следовал ответ: «ха, мойланди» [Файзуллаева 2010, 121], т.е. посредством пищи устанавливались родственные связи. В узбекских свадьбах ритуал кормления тортом, который вошел в традицию узбеков, молододыми будущих свекровей и тещ символизирует установление родственных связей. Отголоском родства по пище является и обычай, наблюдавшийся среди узбеков Ташкента и села Миндон Ферганской области на обряде Мавлюд, где одним из ритуалов является передача по кругу сосуда со сладкой водой или молоком, из которого участницы церемонии пьют по глотку [Зунунова 2020, 24].

Ритуальный обмен между живыми и мертвыми

Налаживание прочной связи между умершими и живыми осуществлялось путем принесения Жертвоприношений и ожидания Ниспосланий [Сурганова 2007, 15]. Существование у узбеков временной вертикали между бытием и инобытием свидетельствует о выделении традиционным сознанием духов предков в особый возрастной класс социума, следовательно, мир живых и мир мертвых составляли, по всей видимости, части всеобъемлющего иерархизированного универсума [Гуревич 1989, 93]. Такая форма отношений имеет вертикальный характер. Примером движения пищи между разными локусами можно считать ритуальный обмен между живым и потусторонним миром. Так, по узбекскому обычаю в день похорон обязательно готовился халваитар (мука, жаренная в масле с добавлением воды), что считалось «савоби ўликка тегади» (помощь умершему в освобождении от грехов). Чтобы еда «доле-

тела» до умершего ее варили в полной тишине. Запахом жареной пищи, а также специальными ритуальными действиями с ней, в поминальные дни проводиться как бы «задабривание» умершего и просьба, чтобы духи предков взамен подарили благополучие живым. В контексте дара и отдара между земным и потусторонним миром можно трактовать связь покойника со съедобными семенами или зернами. Указывая на это М. Элиаде отмечал, что семена и покойники попадают в «подземное» измерение [Элиаде]. Семена и зерна, закапываемые у могилы призваны, были задобрить покойника, для того чтобы он охранял урожай и являлись своеобразным жертвоприношением сверхъестественным силам. Так, узбеки села Миндон в саван с целью очищения мертвого от грехов сыпят семена черного тмина (седана). В процессе обмывания умершего на приготовленную горсть кукурузных зерен читают тахлил (молитва по умершему) и отдают эту горсть в большинстве случаев сыну умершего, для того, чтобы закопать у изголовья могилы [Пайзиева 2015, 209]. В контексте дара духам умерших можно интерпретировать представления узбеков о том, что душа после смерти первые сорок дней витает рядом с домом и садиться на ветку плодового дерева, которую ставят в комнате в воду во время поминальных обрядов. Считается, что душа сев на ветку пьет воду [ПМА 2]. Все эти поверья и манипуляции с пищей могут также трактоваться как вертикальный дарообмен, цель которого получить благополучную жизнь.

Мотивы дарообменных отношений

Примером дарообменных отношений вертикальной структуры может служить статусное поведение между людьми, стоящими на низкой и высокой ступенях общественного положения, между состоятельными и малообеспеченными слоями. Например, человек имеющий за плечами высокий статус и состояние дарит малообеспеченным людям подарок, не ожидая ничего взамен, а лишь утверждает свой статус. Примером такого механизма дарообмена служит циркуляция мяса в дни праздников Рамазан Хаит и Курбан Хаит. При забое скота узбеки по обычаю часть мяса используют для приготовления обрядовых блюд, а часть раздают нуждающимся, не ожидая взамен ничего, кроме благословения, которое подарит благополучие.

Как показывают материалы в дарообменном круге обрядовой системы узбеков принимали участие несколько сетей:

межродственные, межсоседские и межтерриториальные.

Классическая социальная теория в лице М. Мосса [Мосс 1996, 85-111] и др. позволила сделать анализ того, как система обмена дарами выстраивает инструмент развития социальной солидарности [Ибраева], сетей родства и соседства. В рамках таких сетей происходит не только обрядовый дарообмен, но и отслеживается репутация семей, осуществляется обмен информацией и контроль. Как отмечает Н.Х. Азимова «вся жизнь общины в той или иной степени направлена на обеспечение сохранения определенной стабильности этой закрытой системы и ее членов. Община выступает в роли своего рода «страхового полиса» [Азимова 2014, 78]. Наблюдаемая активность этих сетей говорит о том, что житель общины узбекской махалли может опираться не только на семейно-родственные связи, но и на, соседские.

Взаимный альтруизм

Рассмотренные модели дарообмена показывают, что они были как прагматическими, так и альтруистическими. Здесь важно подчеркнуть, хотя в большинстве своем мы под альтруизмом подразумеваем благодеяние, не подразумевающее ответа, тем не менее исследователи приходят к равновесной модели определения альтруизма, которая выразилась в теории взаимного альтруизма Р. Триверса [Trivers 1971, 35-57], до сих пор имеющая популярность и применяемая как в биологических, так и в гуманитарных науках. Действительно полевые материалы показывают, что мотив дарообмена почти никогда не исключает двойственности - рациональность и альтруизм. Так, например одна из информантов обратив внимание на негативный характер такого явления как исрофгарчилик (с узб. - исроф- тратить), рассказала как она распорядилась с остатками пищи, которую соседи принесли в день смерти ее матери к ним в дом. «Мы вместе с мужем, взяв одноразовую посуду, пошли на мардикор базар (место, где безработные предлагают свой труд – Г.З.) и раздали пищу нуждающимся» [ПМА 1]. Безусловно, что дар здесь был безвозмездным, но имел и рациональную сторону, заключающуюся не только в благословении, но и в отвращении такого негатива как исрофгарчилик. В узбекских махаллях распространен и обычай, когда состоятельные слои населения посылают своих детей к малоимущим соседям за солью или другой мелочью, чтобы дать возможность в последующем об-

ращаться за помощью к ним.

Исследователи - биологи приводят аналогии взаимного альтруизма, наблюдающиеся в мире животных. Они отмечают, что летучие мыши-вампиры делятся добытой кровью с теми особями, которые в этот день были неудачливы на охоте, и потом получают от них помощь [Wilkinson 1984, 181-184. Цит по: Верховцев]. Экономическая целесообразность такого поведения в случае обмена пищей очевидна, и состоит, с одной стороны в распределении рисков неудачи в охотничьей экспедиции, а с другой – в выгодном вложении избытка добычи, который невозможно хранить сколько-нибудь длительные сроки [Резникова 2007, 302]. Но, несмотря на то, что в природе и среди животных существуют примеры взаимного альтруизма, человек единственный вид на планете Земля, у которого взаимный альтруизм получил значительное развитие. История показывает, что человеческие общества способны были выживать и адаптироваться в различных условиях благодаря разветвленной системе дележа и взаимопомощи меж теми, кого считали родственниками, друзьями, знакомыми [Семенов 2010]. Нейробиологические исследования утверждают, что в основе решения морально-нравственных дилемм у человека лежат эмоциональные, а не рациональные мотивы [Hsu; Anen; Quartz 2008]. М. Ридли отмечает, что альтруизм имеет генетическую окраску, но тем не менее «С прагматической точки зрения, ... Не имеет значения ..., что ... (человек - Г.З.) всего-навсего выполняет команды своих генов, а не выбирает образ действий по собственной воле. Сам поступок — вот что главное» [Ридли 2013].

Выводы

Как показывают материалы статьи, среди узбеков как города, так и села можно найти очень много примеров альтруистического поведения. Это и приведенная выше модель циркуляции мяса, когда состоятельные слои с одной стороны из моральных побуждений одаривают малоимущие слои населения, и ждут ответа только в сфере сакрального. Взаимный альтруизм ярко выражается в традициях взаимопомощи, которая можно сказать страхует в экстремальных ситуациях и является одновременно как бы депозитом на будущее. В заключении можно сказать, что дарообмен в обрядовой практике узбеков имел два направления, горизонтальное и вертикальное, которые включали в себя родственные, соседские и территориаль-

ные сети. Мотивами дарообменных кругов обрядовой сферы узбеков, были рационализм и альтруизм, что подтверждает теорию взаимного альтруизма, где на первое место выходят такие традиционные ценности узбеков как взаимопомощь и сострадание.

Литература

- Абашин, С. Н. 2003. «Вопреки «здравому смыслу»? (К вопросу о «рациональности /иррациональности» ритуальных расходов в Средней Азии)». *Евразия. Люди и мифы*, 217-238. Москва: Наталис.
- Абашин, С.Н. 2001. «Миндонский цирюльник». *Среднеазиатский этнографический сборник IV*: 198-217. Москва: Наука.
- Азимова, Н. Х. 2014. «Обрядовая жизнь женщин и механизм ее регуляции (по материалам кишлака Миндон, Ферганской области)». *Востоковедческие исследования на постсоветском пространстве*. Сборник научных статей памяти профессора Сергея Петровича Полякова, 77-83. Москва.
- Барсукова, С. Ю. 2004. *Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности*. Москва.
- Басилов, В. Н. 1996. «Суннат – той в Ферганском кишлаке». *Этнографическое обозрение* 3: 99-114. Москва.
- Бодрийяр, Ж. 2000. *Символический обмен и смерть*. Москва: Добросвет.
- Элиаде, М. «Семена и их связь с умершими». *Очерки сравнительного религиоведения* // https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/comporative_bogoslov/eliade/09.php. Дата обращения. 18.08.2020.
- Файзуллаева, М. 2010. *Ўзбек таомлари билан боғлиқ анъаналар*. Тошкент: Yangi nashr.
- Годелье, М. 2007. *Загадка дара*. Москва: Восточная литература.
- Гуревич, А. Я. 1989. *Культура и общество средневековой Европы глазами современников*. Москва: Искусство.
- Hsu, M., Anen, C., Quartz, S.R. 2008. «The Right and the Good: Distributive Justice and Neural Encoding of Equity and Efficiency». *Science* 320(5879): 1092–1095 // https://www.wcas.northwestern.edu/nescan/2008-2009%20papers/Hsu_2008.pdf. Время обращения 30.10.2020.
- Ибраева, Г. *Изучение межпоколенной динамики матримониальных стратегий женщин и мужчин в Кыргызстане советского и постсоветского периодов* // <https://www.google.ru>. Дата обращения 30.10.2020.
- Мосс, М. 1996. «Очерк о даре». *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии*, 85-111. Москва: Восточная литература.
- Нуреев, Р.М. 2010. «Примитивная командная экономика». *Terra Economicus*, Том 8, 4: 104–120.
- Пайзиева, М.Х. 2015. *Миндон ва миндонликлар*. Тошкент: Yangi nashr.
- Пайзиева, М.Х. 2014. *Ўзбекларнинг анъанавий ва замонавий мотам маросимлари*. Тошкент:Yangi nashr.
- ПМА 1. *Полевые материалы автора*. Махалли Нодирабегим, Бахор. 2020.
- ПМА 2. *Полевые материалы автора*. Махалли Ташкента. 2000-2005, 2007-2009, 2011, 2014.

- ПМА 3. *Полевые материалы автора*. Село Миндон Ферганской области Республики Узбекистан. 2012-2014.
- Поланьи, К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Резникова, Ж.И. 2007. «Эволюционные и этологические аспекты общественного образа жизни у животных». *Вестник ВОГИС* 11. 2: 290-306. // <http://docplayer.ru/26307818-Evolucionnye-i-etologicheskie-aspekty-obshchestvennogo-obraza-zhizni-u-zhivotnyh.htm>. Дата обращения 30.10.2020.
- Ридли, М. «Эгоистичный эмбрион». *Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к добродетели* // <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/psihologiya/174030-mett-ridli-proishozhdenie-altruizma-i-dobrodeteli-ot-instinktov-k-sotrudnichestvu>. Дата обращения 30.10.2020.
- Салинз, М. 1999. *Экономика каменного века*. Москва: ОГИ.
- Семенов, Ю. И. 2010. *Введение во всемирную историю*. Вып.2. Москва // https://scepsis.net/library/id_1151.html // Время обращения 30.10.2020.
- Сурганова, З. К. 2007. *Традиционный обмен дарами у казахов*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск.
- Trivers, R. 1971 «The evolution of reciprocal altruism». *The Quarterly Review of Biology* 46 (1): 35–57. <https://greatergood.berkeley.edu/images/uploads/Trivers-EvolutionReciprocalAltruism.pdf> Дата обращения 30.10.2020.
- Верховцев, Д.В. *Дарообмен в русской деревне: дар как депозит* // <https://www.academia.edu> Дата обращения 30.10.2020.
- Wilkinson, G.S. 1984. «Reciprocal food sharing in the vampire bat». *Nature* 308: 181–184.
- Зунунова, Г.Ш. 2013. «Модели распределения пищи в семейно-обрядовой сфере узбеков (на примере села Миндон)». *Общественное мнение. Права человека* 2: 131-136. Ташкент.
- Зунунова, Г.Ш. 2020. «Реликты экономических отношений ранних обществ в традициях узбеков». *Academy* 8 (59): 23-29.
- Шишкина, Т.М. 2015. «Дар и полезность: экономическая антропология реципрокного обмена». *Проблемы современной экономики* 3 (55): 106-109.

References

- Abashin, S. N. 2003. «Vopreki «zdravomu smyslu»? (K voprosu o «racional'nosti /irracional'nosti» ritual'nyh rashodov v Srednej Azii)». *Evrazija. Ljudi i mify*, 217-238. Moskva: Natalis.
- Abashin, S. N. 2001. «Mindonskij cirjul'nik». *Sredneaziatskij jetnograficheskij sbornik* IV:198-217. Moskva: Nauka.
- Azimova, N. H. 2014. «Obrjadovaja zhizn' zhenshhin i mehanizm ee reguljacji (po materialam kishlaka Mindon, Ferganskoj oblasti)». *Vostokovedcheskie issledovanija na postsovetском prostranstve*. Sbornik nauchnyh statej pamjati professora Sergeja Petrovicha Poljakova, 77-83. Moskva.

- Barsukova, S. J. 2004. *Nerynochnye obmeny mezhdu rossijskimi domohoz-jajstvami: teorija i praktika reciprokosti*. Moskva.
- Basilov, V. N. 1996. «Sunnat – toj v Ferganskom kishlake». *Jetnograficheskoe obozrenie* 3: 99-114. Moskva.
- Bodrijar, Z. 2000. *Simvolicheskij obmen i smert'*. Moskva: Dobrosvet.
- Jeliade, M. «Semeni i ih svjaz' s umershimi». *Oчерки сравnitel'nogo religiovedenija* // https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/comparative_bogoslov/eliade/09.php. Data obrashhenija. 18.08.2020.
- Fajzullaeva, M. 2010. *Uzbek taomlari bilan bogliq ananalar*. Toshkent: Yangi nashr.
- Godel'e, M. 2007. *Zagadka dara*. Moskva: Vostochnaja literatura.
- Gurevich, A. J. 1989. *Kul'tura i obshhestvo srednevekovoj Evropy glazami sovremennikov*. Moskva: Iskusstvo.
- Hsu, M., Anen, C., Quartz, S.R. 2008. «The Right and the Good: Distributive Justice and Neural Encoding of Equity and Efficiency». *Science* 320 (5879): 1092–1095 // https://www.wcas.northwestern.edu/nescan/2008-2009%20papers/Hsu_2008.pdf. Vremja obrashhenija 30.10.2020.
- Ibraeva, G. *Izuchenie mezhpokolennoj dinamiki matrimonial'nyh strategij zhenshhin i muzhchin v Kyrgyzstane sovetskogo i postsovetskogo periodov* // <https://www.google.ru/> Data obrashhenija 30.10.2020.
- Moss, M. 1996. «Oчерk o dare». *Obshhestva. Obmen. Lichnost': Trudy po social'noj antropologii*. Moskva: Vostochnaja literatura. 85-111.
- Nureev, R. M. 2010. «Primitivnaja komandnaja jekonomika». *Terra Economicus*, Tom 8, 4: 104–120.
- Pajzieva, M. H. 2015. *Mindon va mindonliklar*. Toshkent: Yangi nashr.
- Pajzieva, M. H. 2014. *Uzbeklarning ananaviy va zamonaviy motam marosimlari*. Toshkent: Yangi nashr.
- PMA 1. *Polevyje materialy avtora*. Mahalli Nodirabegim, Bahor. 2020.
- PMA 2. *Polevyje materialy avtora*. Mahalli Tashkenta. 2000-2005, 2007-2009, 2011, 2014.
- PMA 3. *Polevyje Materialy Avtora*. Selo Mindon Ferganskoj oblasti Respubliki Uzbekistan. 2012-2014.
- Polan'i, K. 2002. *Velikaja transformacija: politicheskie i jekonomicheskie istoki nashego vremeni*. Sankt- Peterburg: Aletejja.
- Reznikova, Z. I. 2007. «Jevolucionnye i jetologicheskie aspekty obshhestvennogo obraza zhizni u zhivotnyh». *Vestnik VOGiS* 11. 2: 290-306. // <http://docplayer.ru/26307818-Evolucionnye-i-etologicheskie-aspekty-obshchestvennogo-obraza-zhizni-u-zhivotnyh.htm>. Data obrashhenija 30.10.2020.
- Ridli, M. «Jegoistichnyj jembrion». *Proishozhdenie al'truizma i dobrodeteli: ot instinktov k dobrodeteli* // <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/psihologiya/174030-mett-ridli-proishozhdenie-altruizma-i-dobrodeteli-ot-instinktov-k-sotrudnichestvu> Data obrashhenija 30.10.2020.
- Salinz, M. 1999. *Jekonomika kamennogo veka*. Moskva: OGI.
- Semenov, Ju. I. 2010. *Vvedenie vo vseмирnuju istoriju*. Vyp.2. Moskva // https://scepsis.net/library/id_1151.html // Vremja obrashhenija 30.10.2020.
- Surganova, Z. K. 2007. *Tradicionnyj obmen darami u kazahov*. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Tomsk.
- Trivers, R. 1971 «The evolution of reciprocal altruism». *The Quarterly Review*

of Biology 46 (1): 35–57. [https://greatergood.berkeley.edu/images/uploads/Trivers-EvolutionReciprocal Altruism.pdf](https://greatergood.berkeley.edu/images/uploads/Trivers-EvolutionReciprocal%20Altruism.pdf). Data obrashhenija 30.10.2020.

Verhovcev, D. V. *Daroobmen v russkoj derevne: dar kak depozit* // <https://www.academia.edu>. Data obrashhenija 30.10.2020.

Wilkinson, G. S. 1984. «Recirrocal food sharing in the vampire bat». *Nature* 308: 181–184.

Zununova, G. Sh. 2013. «Modeli raspredelenija pishhi v semejno-obrjadovoj sfere uzbekov (na primere sela Mindon)». *Obshhestvennoe mnenie. Prava cheloveka* 2: 131–136. Tashkent.

Zununova, G. Sh. 2020. «Relikty jekonomicheskikh otnoshenij rannih obshhestv v tradicijah uzbekov». *Academy* 8 (59): 23–29.

Shishkina, T.M. 2015. «Dar i poleznost': jekonomicheskaja antropologija reciproknogo obmena». *Problemy sovremennoj jekonomiki* 3 (55): 106–109.

Об авторе: Зунунова Гулчехра Шавкатовна – доктор исторических наук (DSc), главный научный сотрудник, Национальный центр Археологии АН РУз.

Для цитирования: Зунунова, Г. Ш. 2020. «Дар в обрядовой практике узбеков». *Узбекистан: лингвистика и культура* 4: 87–100.

About the author: *Gulchekhra Sh. Zununova* – Doctor of Sciences in History (DSc), Chief Researcher, National Center of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

For citation: Zununova, G. Sh. 2020. “Gift in the Ritual Practice of the Uzbeks”. *Uzbekistan: Language and Culture* 4: 87–100.